Сьюзен Уоткинс

Континентальный тремор

Европейские договоренности вызывали недовольство и раньше, но недавняя неожиданная вспышка массового недовольства внутренними процессами, происходящими в Европейском Союзе, не имеет себе равных. Отклонение конституционного соглашения ЕС на референдумах во Франции и Голландии носило совершенно иной характер, чем сочетание апатии и раздражения, которое наблюдалось, когда Ирландия провалила голосование по соглашению в Ницце в 2001 году или Дания по евро в 2000 году. И в Голландии, и во Франции явка была высокой – 63% и почти 70% соответственно. В обеих странах относительно маргинальные силы неофициальных левых сыграли главную роль в выступлениях против соглашения. И в обеих странах голосование явно носило классовый характер: большинство работников с низкими доходами, сторонники Рабочей и Социалистической партии, проголосовали против конституционного соглашения, вопреки партийному руководству. Резко против него была настроена и молодежь.

Развитие ЕС редко подчиняется единой логике: разнообразные взаимодействия между соперничающими государственными интересами, политическими участниками, различными экономиками и внешними силами делают его особенно уязвимым для закона непреднамеренных последствий. Результаты летних срывов для будущего функционирования 25 стран-членов ЕС и для дальнейшего расширения вряд ли станут исключением. Тем не менее, первые реакции на них со стороны лидеров ЕС были достаточно предсказуемы: меньше голосов, больше маркетинга. Но по-прежнему открытым остается вопрос о том, как продать их модель Европе. Основанный в послевоенную эпоху социал-демократией и христианской демократией, ЕС пережил мутацию и превратился в особый институт эпохи либеральной гегемонии. Лучше всякого опроса Евробарометра, референдумы 2005 года позволили увидеть новый политический ландшафт континента. Они обнаружили не только разрыв между избирателями и элитами, отмечавшийся многими, но и проблемы обращения в будущем к политике, не связанной с неолиберальным порядком.

Лагерь сторонников конституции

И все же поначалу официальные доводы в пользу конституционного соглашения казались привлекательными и достаточно убедительными и пользовались широкой поддержкой влиятельных политиков и средств массовой информации. Утверждалось, что при всем своем «несовершенстве» соглашение сделает ЕС более демократическим, более действенным, более простым и более прозрачным. Оно наделило бы властными полномочиями Европейский парламент, ограничило бы использование права одного государства налагать вето на важнейшие решения и заложило бы основы общей внешней и оборонной политики. В результате появилась бы более сильная Европа, способная оказать сдерживающее влияние на имперские амбиции Соединенных Штатов. Без этого, как предостерегал читателей Le Monde накануне голосования Тимоти Гартон Эш, у американской сверхдержавы вновь появился бы соблазн «действовать самостоятельно».

Во Франции кампания в поддержку конституции началась с блестящей демонстрации единодушия в Версале 28 февраля 2005 года, когда сенаторы и депутаты собрались на специальное заседание Конгресса для ратификации соглашения. Настроенные по-боевому средства массовой информации приступили к кампании. Серж Алими рассказал, как на France Inter «Стефан Паоли передал слово Бернару Гетта, который передал слово Пьеру Ле Марку, который передал слово Жан-Марку Сильвестру» и все, как один, выступали за соглашение. В образцовой мобилизации того, что Перри Андерсон назвал union sucrée, президент республики, лидеры «Союза за народное движение» и Социалистической партии, редакторы от Figaro и L'Express до Le Monde, Libération и Le Nouvel Observateur, дикторы и ведущие ток-шоу собирались в телевизионных студиях вместе с множеством знаменитостей, кинозвезд, футболистов и призывали голосовать за соглашение. Премьер-министр Испании, президент Польши и канцлер Германии прилетели, чтобы поддержать Ширака. Внешне нейтральная правительственная листовка, отправленная избирателям, была прямой пропагандой сторонников соглашения, как и школьные брошюры, выпущенные министерством образования. Председатель фонда Caisse d'épargne объявил, что «благодаря Европе» он увеличит процентную ставку для вкладчиков.

Когда, несмотря на все эти усилия, противники конституции, по опросам общественного мнения, начали набирать силу, тон стал более угрожающим. Противников соглашения называли ксенофобами, расистами, врагами Турции, Польши и вообще Европы. Страницы либеральных изданий заполонили трансатлантические голоса, говорившие о важности голосования за соглашение для создания «европейской альтернативы» американской сверхдержаве. В обращении «Европе необходима смелость», опубликованном в Le Monde и подписанном Вольфом Берманном, Юргеном Хабермасом, Александром Клюге, Гюнтером Грассом и другими, утверждалось, что голосование против конституционного соглашения неизбежно обречет Францию на «изоляцию» с «катастрофическими последствиями» для основных европейских стран и для отношений с Соединенными Штатами. Голосование за соглашение было моральным долгом: «Мы обязаны этим многим миллионам жертв наших безумных войн и преступных диктатур». Несмотря на такую истерию, 29 мая соглашение было отвергнуто 55% против 45% голосов.

В Нидерландах механизмы гегемонии приняли более простую форму. Пресса, ведущие политические партии, церкви, профсоюзные лидеры, объединения предпринимателей и даже «Туристический клуб» призывали голосовать за конституцию. Голландский парламент, который изначально выступал за референдум, поддержал конституционное соглашение 85% голосов. И вновь чем ближе становилась угроза поражения, тем более апокалиптической становилась официальная риторика. Премьер-министр Балкененде взывал к призраку Освенцима, министр экономики говорил о «наступлении тьмы», а министр юстиции – о балканизации и войне. На голосовании 1 июня 62% избирателей проголосовали против соглашения.

Чтение соглашения

В обеих странах ключевым фактором изначальной мобилизации противников конституции было само соглашение. Голландскую кампанию во многом оживили сорок тысяч активистов Социалистической партии, в листовках которых критиковались бюрократизм и политика свободного рынка. В Нидерландах, отмечала Социалистическая партия, 85% населения не могло похвастаться «хорошим знанием»

соглашения. Французские споры подпитывались усиленной просветительской кампанией, которая полностью изменила мнение большинства, первоначально симпатизировавшего конституции. Идеи истеблишмента – более демократическая, действенная и прозрачная Европа, способная предложить альтернативу Соединенным Штатам, – резко противоречили самому тексту.

Ибо соглашение сохраняло практически неизменной удивительно непрозрачную и недемократическую архитектуру ЕС, сложившуюся после 1957 года. Наднациональная Комиссия с монополией законодательной инициативы по-прежнему должна была вести дипломатические переговоры с правительствами стран-членов; европейские избиратели были лишены всякого права определять состав исполнительного органа ЕС. Другими особенностями этого неофеодального институционального ландшафта были все более влиятельные встречи глав правительств в Совете Европы, Европейский Суд, занимавшийся главным образом коммерческими делами, Центральный банк и межправительственный Совет министров. Европейский парламент оставался в значительной степени консультативным органом, не имевшим достаточных полномочий, чтобы отклонять или предлагать законы, хотя теперь он вправе был вносить поправки, которые Комиссия могла принять или отклонить по своему усмотрению (такой вот «более демократический» элемент). «Упрощение» означало ослабление влияния голосов различных стран в Совете министров – по сути, усиление Германии за счет Франции и небольшое ослабление Испании и Польши в соответствии с соглашением 2000 года. Помимо смены названия должности Хавьера Соланы с верховного представителя на министра иностранных дел, имеющего дипломатический корпус, и назначения бывшего премьер-министра на службу в течение тридцати месяцев председателем Совета министров, в конституционном соглашении было мало нового.

Оно не было «основополагающим политическим актом», на который некогда возлагал надежды Юрген Хабермас. При этом речь шла не о конституции в смысле законодательной основы, которая позволяла бы обсуждать и проводить различную политику, а о соглашении, которое в мельчайших деталях излагало, какой должна была быть политика, вплоть до микродействий свободной торговли в товарах и услугах. Комиссия, Европейский Суд и Центральный банк обязаны были проводить изложенную неолиберальную программу. Вместо создания основ для независимой внешней и оборонной политики, способной противодействовать Соединенными Штатам, оно отдавало все вопросы безопасности на откуп НАТО и признавало право вето одной страны во внешней политике; Великобритания или Латвия могли отвергнуть любую стратегию, вызвавшую недовольство Вашингтона.

Соглашение на деле обеспечивало лишение Европы демократической конституции, федеративной или какой-то иной. Напротив, оно заново кодифицировало развитие ЕС после окончания «холодной войны» через Маастрихт, Амстердам и Ниццу: стремление к валютному союзу; использование законодательства ЕС для продвижения программы свободного рынка; практическое определение «общей внешней политики» во время войн в Югославии, Афганистане, Ираке; экспансия на восток и пересмотр отношений Европы и Вашингтона после краха советского блока. Голосование за соглашение на самом деле должно было стать ретроспективной ратификацией этих событий, которым оно пыталось придать конституционный статус.

Двенадцать

Новая формула для легитимации проекта ЕС не была убедительной. Но старые формулы не в состоянии были охватить все существующее ныне. Европейское сообщество конца 1980-х годов было своеобразным гибридом: Закон о единой Европе 1986 года – европейское НАФТА – провозгласил превращение старого таможенного союза в новую область свободной торговли, открыв рынки этих двенадцати стран-членов для свободного движения товаров, капитала, рабочей силы и услуг. Фискальная дисциплина Европейской валютной системы вынудила национальные экономики пойти на сокращение государственного сектора и приватизацию государственных активов. Тем не менее, в идеологическом отношении Комиссии Жака Делора удавалось поддерживать размытый, но возвышенный образ процветания, безопасности и прогресса благодаря сочетанию квазикантианской теологии мирного союза, технократической осведомленности и социальной солидарности традиции христианских и социал-демократов. Предполагалось, что экономический и политический союз, который должен был сложиться в конечном итоге, должен был стать демократическим и наделить европейский парламент реальной законодательной властью. Во время 1980-х годов такая идеологическая формула оказалась успешной при реструктуризации ЕС государственнических диктатур в Греции, Испании и Португалии – странах с сильными коммунистическими партиями и революционными традициями – в либеральные капиталистические демократии, благополучно вошедшие в западные альянсы, занятые обеспечением безопасности.

С 1989 года геополитика Европы постоянно менялась. Проблемой было появление единой Германии: будучи третьей по величине экономикой в мире, она способна была доминировать над Mitteleurora с почти 150 миллионами жителей и теоретически могла вести самостоятельные переговоры с Москвой. К тому же, когда советские танки отошли обратно к Уралу, для присутствия НАТО в Европе больше не было очевидных причин. Наконец, крах СЭВ и Варшавского договора позволил входившим в него странам обратиться к Западу за экономической помощью и гарантиями безопасности. Для Соединенных Штатов, столкнувшихся после окончания «холодной войны» с задачей установления своего порядка в новом виде в Центральной Европе, на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Корейском полуострове, основным приоритетом в Европе было предотвращение всякого возможного восстановления отношений между Бонном и Москвой через установление более тесных связей между Германией и ее западными союзниками; недопущение серьезных шагов к независимой европейской оборонной политике; и поддержка ЕС в проведении (и финансировании) работы по перестройке центрально-европейских экономик в открытые капиталистические рынки, как это было с успехом сделано в Средиземноморье. Как выразился Джеймс Бейкер в своем выступлении перед европейскими лидерами, распространение политической и экономической реформы на Востоке было «естественным призванием» ЕС. Соединенные Штаты могли выдавать себя за основного союзника стран Центральной Европы, поддерживая их стремление к вступлению в ЕС, так как это им ничего не стоило. Расширение на Восток исключало политическую интеграцию и, следовательно, превращение ЕС в независимую геополитическую силу вследствие перенапряжения слабых федеративных структур и появления в нем целого табуна новых троянских коней.

Коль готов был дорого заплатить за дипломатическое согласие других держав на немедленное объединение Германии; отказ от дойчмарки был не слишком большой ценой. Объединенную Германию можно было связать стальными нитями валютного и политического союза во имя общего блага, так что ее сила могла обернуться «выгодой

для всех». В декабре 1989 года Комитет руководителей центральных банков Делора предоставил план и график создания Европейского валютного союза, который с некоторыми поправками составил основу Маастрихтского соглашения. Логика казалась неумолимой: валютный союз должен был привести к некоему политическому союзу, а вместе с ним должна была вырасти степень подотчетности. Кроме того, Комиссия подготовила также проекты по внешней политике и внутренним делам, призванные служить «столпами», на которых должен был покоиться Европейский Союз.

Маастрихт и Сараево

Но политический союз после 1989 года должен был гарантировать, что объединенной Германии не удастся установить господство над демократической федерацией европейских государств благодаря своему многочисленному населению и экономическому весу. Французская элита не стала заниматься решением этой задачи. С учетом противодействия Британии более тесной федерализации, это означало снятие с повестки дня всякого подлинного процесса перехода к политическому объединению Европы, а вместе с ним – и возможности установления конституционной демократии.

Первые шаги Европы к «общей внешней политике» отражали такую же провинциальную ограниченность – и это тогда, когда Вашингтон старательно занимался насаждением своего «нового мирового порядка» на планете. В январе 1991 года Британия и Франция поддержали проведение Бури в пустыне, этой американской демонстрации силы в Персидском заливе. В Югославии шоковая терапия, проведенная федеральным правительством в соответствии с указаниями Всемирного банка, привела к появлению более полумиллиона безработных в 1989 году, что позволило националистам одержать победу на следующих выборах во всех республиках федерации. Германия и Австрия, стремившиеся обрести клиентов в виде католических балканских государств, поддерживали отделение Хорватии и Словении, хотя было ясно, что против этого выступят меньшинства многоэтнических республик. Когда в августе 1991 года вспыхнула война между хорватами и Югославской народной армией и между хорватскими силами и Сербской Краиной, Коль и Геншер настояли на незамедлительном признании Хорватии ЕС вместо того, чтобы призвать к политическим переговорам с Югославией, способным обеспечить защиту прав меньшинств. Во время переговоров при подготовке Маастрихтского соглашения в декабре 1991 года Колю удалось выторговать у Британии поддержку хорватской независимости в обмен на отказ Мейджора от участия в Европейском валютном союзе и Социальной хартии. Так же Германия временно поддержала давние французские предложения о создании независимых от НАТО европейских вооруженных сил, численность которых должна была составлять 35-50 тысяч человек.

Вскоре Соединенным Штатам удалось свести на нет все усилия в этом направлении, заставив Францию и Германию в декабре 1992 года подписать соглашение о том, что такие вооруженные силы на деле будут подчиняться командованию НАТО. Но роль ЕС в поощрении первых шагов к распаду Югославии позволила администрации Клинтона начать согласованную дипломатическую кампанию за признание независимости Боснии, которая вызвала сомнения даже у Коля и Геншера. Война за независимость Хорватии привела к появлению 200 тысяч беженцев, 350 тысяч перемещенных лиц и 20 тысяч трупов. В 1992-1994 годах война в Боснии привела к появлению почти 2 миллионов беженцев или перемещенных лиц и, по самым низким оценкам, 70 тысяч

трупов. С идеологической точки зрения, это было концом самопровозглашенной миссии ЕС положить конец войне на старом континенте. Со стратегической точки зрения, кровопролитие показало бессилие европейского руководства. Во время осады Сараево французские, британские, немецкие и итальянские либералы призывали к американскому вмешательству. Только угроза огневой мощи НАТО, теперь утверждали они, могла образумить воюющие стороны. Олбрайт объединила хорватские и боснийские силы, направив их против боснийских сербов при поддержке авиации НАТО. В конституцию Германии была внесена поправка, позволявшая пилотам ВВС (под американским руководством) использовать оружие в зоне, прежде закрытой для полетов. В апреле 1993 года Париж и Бонн сообщили, что, несмотря на исчезновение советской угрозы, европейская внешняя и оборонная политика, как и прежде, будет связана с НАТО.

Евроденьги

Таким образом, развитие европейского валютного союза в союз политический стало невозможным, а внешняя политика оказалась зависимой от вето Вашингтона. В этой сфере, несмотря на разногласия, правители Европы смогли относительно легко договориться о программе общих интересов. Винн Годли ярко описала типы экономического управления, которые были отвергнуты Маастрихтским планом, – роль, которую национальные правительства могли играть в определении оптимальной степени государственного участия, бремени налогов, распределения расходов, финансирования дефицита, уровня процентной ставки, валютного курса, инфляции, экономического роста, занятости и распределении доходов и богатства.

«Это может показаться невероятным, но, несмотря на наличие в Маастрихтской программе проекта создания и работы независимого центрального банка, в ней не было запланировано создание некоего аналога центрального правительства. Тем не менее... без таких институтов Европейский валютный союз мешал эффективным действиям отдельных стран, ничего не предлагая взамен».

В действительности, вместо создания политической федерации европейские элиты сделали выбор в пользу негласного политического союза. Жесткие фискальные и валютные требования единой валютной системы, маастрихтские «критерии сближения» и Пакт о стабильности исключали возможность девальвации и дефицитного финансирования, не оставляя двенадцати совершенно различным экономикам еврозоны иных механизмов для циклического и иного регулирования, кроме выбивания уступок у рабочих. В конечном счете, крупнейшие экономики еврозоны – Германия, Франция и Италия – вынуждены были перенять англосаксонскую программу низкооплачиваемой, незащищенной рабочей силы и ориентированных исключительно на рынок государственных служб. Даже во время спада процентная ставка Европейского центрального банка поддерживалась на антиинфляционном уровне, и, очевидно, смыслом всего этого было разрушение упорно сохранявшейся рейнской модели. В Германии внутренний спрос оставался низким, безработица – высокой, а рост – незначительным. Введение новой валюты в январе 2002 года привело к дальнейшему спаду.

Таков контекст острого классового раскола по «неолиберальному соглашению», проявившегося на французском и голландском референдумах. В Нидерландах 58% избирателей Партии труда отвернулись от партийного руководства. По уровню

образования, 71% с «более низким» и 64% со «средним» образованием проголосовали «против» по сравнению с 52% с «более высоким». При правительствах Партии труда – Вима Кока в 1990-х годах и Балкененде с 2002 года – Нидерланды стали более англосаксонскими, чем Великобритания в том, что касается «мыльного пузыря» недвижимости, выхода на фондовую биржу средств домохозяйств и замены рабочих мест в промышленности и государственном секторе низкооплачиваемым сектором обслуживания. В результате, возросла поляризация между победителями и проигравшими и произошло обострение социальных противоречий. В богатых анклавах Хеемстеде и Блумендал процентное соотношение голосов в голландском референдуме было полностью противоположным: 57% и 61% проголосовали «за».

Во Франции 56% сторонников Социалистической партии проголосовали «против», как и 79% рабочих и 71% безработных. В беднейших частях Марселя и шахтерских районах Севера-Па де Кале противники составляли 78% и 84%. 66% домохозяйств с доходом до 1500 евро в месяц были против соглашения. Большинство противников (52%) называло «недовольство нынешней экономической и социальной ситуацией» основной причиной своего голосования «против» (по сравнению с 35%, выступавших против членства Турции в ЕС). Понятие «французской социальной модели» может вводить в заблуждение. Жоспен и его министры финансов Стросс-Кан и Фабиус приватизировали высоко доходные государственные активы, снизили налоги для богатых и корпораций и сократили государственные расходы. Раффарен продолжил процесс. Хотя работники защищены законом, членство в профсоюзах во Франции намного ниже, чем в Британии, а производительность труда намного выше. Прежде всего, высокие показатели безработицы, тесно связанные с проектом экономической политикой ЕС, направленным против рабочей силы, затронули малообеспеченных работников и молодежь. Напротив, французский верхний слой среднего класса был вполне доволен неолиберализмом; в центральных районах Парижа, где резко возросли цены на недвижимость, число сторонников соглашения составляло 66%. Среди тех, кто зарабатывали более 4500 евро в месяц, 74% были сторонниками соглашения. В Нейи цифра составляла 82,5%.

Европа 2003 года

Raison d’être конституционного соглашения было расширение ЕС. Если оно и было американской политикой, то его с самого начала поддерживали Германия и Британия. В 1993 году Комиссия установила низкую планку критериев на вступление: работающая рыночная экономика, прочные институты, способность неукоснительно соблюдать правила ЕС. В 1990-х годах, когда вспыхнули межправительственные разногласия о том, какие страны заслуживают вступления, к перечню было добавлено исполнение 97.000-страничного acquis communautaire законодательства ЕС. При отсутствии согласия о пересмотре соглашения для расширенного ЕС основные страны выступили в 1997 году в Амстердаме с предложением о возможности «расширенного сотрудничества» и интеграции на различных скоростях. Рассмотрение вопроса о процедурах голосования после расширения было перенесено на межправительственную конференцию в Ницце в 2000 году.

Во время подготовки к Ницце три основных государства-члена изложили свои позиции. Во время выступления в Университете Гумбольдта в мае 2000 года Фишер призвал к демократической федерации национальных государств Европы; общеевропейскому парламенту с «реальными законодательными полномочиями»;

второй палате, состоящей из избранных членов национальных парламентов; федеративному правительству и президенту с исполнительными полномочиями; и основополагающей конституцией. Ширак ответил в июне в выступлении перед бундестагом: против федерального правительства и за более сильный союз национальных государств с принятием решений большинством голосов. И он также призвал к созданию новой конституции. Ее проект мог быть составлен Конвентом, органом, наподобие того, что составил хартию основных прав для ЕС (попытка улучшить образ Брюсселя после того, как Комиссия при Жаке Сантере вынуждена была уйти в отставку в 1999 году по обвинениям в коррупции). Блэр, так же боровшийся за символический подиум, выступил со своим предложением на Варшавской фондовой бирже. С точки зрения Британии, конституционные дебаты не обязательно должны были привести к созданию действительной конституции; вполне могло подойти своеобразное «соглашение соглашений». Наиболее важным было то, что предоставление права вето Совету Европы должно было сохранить направление политического развития ЕС. В декабре 2000 года межправительственная конференция в Ницце согласилась с предоставлением права голоса 25 странам-членам ЕС и обозначила 2004 год в качестве крайнего срока составления окончательного соглашения, «устанавливающего конституцию для Европы». К тому времени в ЕС должны были войти три балтийские республики, Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Мальта и Кипр.

Подстегиваемый амбициями премьер-министров малых государств, Конвент «Будущее Европы» собрался в здании Парламента ЕС в Брюсселе в феврале 2002 года. Но точно так же, как войны в Персидском заливе и на Балканах были фоном для маастрихтских переговоров, так и сейчас переговоры Жискар д'Эстена и его коллег велись на фоне бомбардировок и оккупации Афганистана и Ирака. Несмотря на недоверие, которое молодежь и гражданское общество выразили Конвенту, Герника была скрыта, мифология оружия массового поражения принята на вооружение, а военные корабли введены в Средиземное море. Более миллиона человек в Лондоне, два миллиона человек в Мадриде, три миллиона в Риме вышли на улицы, выступая против вторжения в Ирак, но Аснар в Испании, Берлускони в Италии, Барросо в Португалии, Блэр в Британии, Медьеши в Венгрии, Миллер в Польше и Гавел в Чехии объявили о своей поддержке этого вторжения в совместном заявлении в Wall Street Journal.

Это побудила Юргена Хабермаса и Жака Деррида обратиться к «ядру Европы». Указав на «морально непристойные» приготовления военной машины и «цивилизованное варварство» холодно спланированных смертей и разрушений – «скольких жилых районов и больниц, скольких домов, музеев и рынков?», – эти два философа объяснили, что «война донесла до сознания европейцев давно вырисовывавшийся провал их общей внешней политики». Всемирные споры о законности вторжения США усилили раскол между «англо-американскими странами», странами Центральной и Восточной Европы и «старой Европой». Если ЕС не суждено было распасться, страны его гуманитарного ядра должны использовать механизмы «расширенного сотрудничества», согласованные в Амстердаме, и вновь стать локомотивом ЕС, перейдя к определению европейской внешней политики, которая основывалась бы на нормах международного права.

На самом деле страны «ядра» уже показали себя. Запланированное расширение (формальности, связанные со вступлением новых стран, были урегулированы в октябре 2002 года, то есть за месяц до принятия Советом Безопасности ООН резолюции 1441)

постоянно меняло баланс сил в ЕС. Громкие заявления де Виллепена в Совете Безопасности сопровождались заверениями французского посла в Вашингтоне, что вторая резолюция ООН была ненужной, и предложением Ширака о свободном перелете американских бомбардировщиков через воздушное пространство Франции. Следующей весной, спустя двести лет после провозглашения гаитянской независимости Туссен-Лувертюром, Ширак и де Виллепен подтвердили свое согласие с Бушем и Пауэллом во время совместной высадки в Порт-о-Пренсе. Хотя Конвент в Брюсселе назвал содействие установлению мира одной из главных задач Европы, Шредер явно намеревался сделать Германию второй по значению силой в оккупированном НАТО Афганистане.

Блэр и Ширак

Во время Конвента «Будущее Европы» Лондон вновь взял на себя заботу о составлении проекта конституции. Джон Керр, бывший глава британского МИДа, руководил секретариатом Конвента и участвовал в составлении всех версий конституционного соглашения. Неудивительно, что британская печать в декабре 2003 года могла заявить, что конечный продукт практически ничего не менял: правление Совета Европы было сохранено; осталось право вето на налоговую, социальную и внешнюю политику; «расширенное сотрудничество» не касалось оборонной области; даже право рабочих на забастовку, хотя и признавалось в хартии, допускалось только «в соответствии с национальными законами».

Между тем, согласование деталей вступления в ЕС происходило в другом месте. Новые страны-члены становились странами второго сорта: прямые выплаты по сельскохозяйственной политике Общего рынка составляли для них 25% от западной нормы; мобильность рабочей силы ограничивалась, а выплаты из структурных фондов были почти вдвое меньше выплат Греции, Испании, Португалии и Ирландии. Переговоры об увеличении числа голосов оставались в тупике – два huits mercenaries, Испания и Польша, не соглашались уступать выбитые для себя в Ницце привилегии, – пока взрывы на станции Аточа и их эксплуатация Аснаром не привели к власти социалистическое правительство Сапатеро на выборах в марте 2004 года. Одним из первых шагов Сапатеро было предложение о сокращении числа испанских голосов.

Именно тогда Блэр, поносимый бульварной прессой, объявил, что он выставит конституционное соглашение на референдум (после британских всеобщих выборов 2005 года), а Ширак решил выполнить свое обещание, сделанное им в 2002 году. После недолгой размолвки среди элиты, когда против соглашения вступили влиятельные голлистские правые во главе с Сегином, благодаря влиянию Брюсселя они все же смогли вновь объединиться. Первые опросы были благоприятными. Расчет Ширака казался достаточно безопасным.

Однако недовольство тем, что навязывалось жителям их собственным правительством во имя Маастрихтского соглашения, постепенно нарастало и даже привело к расколу в руководстве конформистской Социалистической партии. Как только Фабиус, почувствовав низовое брожение и, рассчитывая оттеснить противников в партии, принял решение действовать вопреки генеральной линии, согласие почтенной публики было разрушено. Мобилизация АТТАС и его союзников, необычайная по своим масштабам и изобретательности, завершила начатое.

Варвары внутри

Реакция средств массовой информации на референдумы во Франции и Голландии еще раз обнаружила поразительное единодушие. Согласно Libération, противники конституции были движимы иррациональными, если не патологическими, «болью, страхами, муками, бешенством». Le Monde считала голосование выражением «глубокого регресса»; для New York Times оно было «кризисом идентичности». Согласно Guardian, Франция была «глубоко расколота, выведена из равновесия, напугана и подозрительна». С точки зрения Тимоти Гартона Эша, это было «“нет” страха. Страха перед иммиграцией. Страха перед переменами». Хотя было ясно, что выступавшие против соглашения в большинстве своем были сторонниками Социалистической партии, левого центра, они были движимы «национализмом, ксенофобией, догматизмом» (Le Monde); «немыслимой ксенофобией» (Libération); они были за «Францию для французов» (Guardian). В то же самое время они были «инфантильными» и «регрессивными». По выражению одного из обозревателей Guardian, «это была политика в духе Питера Пена». «Фуко оценил бы сближение знания и власти», – заметил Ален Бадью. – «“Да” было выбором просвещенных специалистов (экспертов всех мастей, включая журналистов), “нет” было выбором невежественных. В критике решения Ширака о проведении референдума использовалась та же аргументация: такое важное дело, как Европу, нельзя доверять несведущей массе». В этом контексте противники конституции – правые или левые – неизбежно считались «варварами».

Англоязычные комментаторы во всем обвиняли Ширака и французское политическое руководство. Дело было не только в торможении экономических реформ; в конце концов, Берлускони отставал еще больше. Дело было в том, что они не смогли убедить своих избирателей в том, что никакой альтернативы не существует. Но для практичных неолибералов нет худа без добра. Французский левый центр был в кризисе: большинство руководства Социалистической партии не только было оставлено большинством избирателей; 4 июня Франсуа Холланд и Доминик Стросс-Кан исключили Фабиуса и его сторонников из исполнительного комитета партии, что только усугубило раскол в ней. Кризис правоцентристского «Союза за народное движение» был не менее острым, чем кризис Социалистической партии. Но если поддерживаемый Вашингтоном Николя Саркози победит неудачливое правительство Ширака-де Виллепена, а Шредер, несмотря на все его заслуги, будет вытеснен в Германии ХДС/ХСС, к 2007 году руководство Европы может превратиться в более надежное проамериканское трио в Париже, Лондоне и Берлине. Должен последовать более гладкий период трансатлантических отношений.

Насколько надежными окажутся правительства Меркель и Саркози? Проигрыш СДПГ в Рейне-Вестфалии в мае 2005 года и победа ХДС/ХСС во многом были обусловлены неявкой избирателей социал-демократов, разочарованных шредеровскими налоговыми послаблениями для компаний и снижением пособий для безработных. В отличие от Шредера, Меркель придерживается более атлантистских взглядов, но ее партийный блок тесно связан со средними немецкими компаниями в рейнской области. В случае своей победы в 2007 году Саркози придется столкнуться с проблемой французского электората, который на протяжении двух последних десятилетий наказывал каждое правительство, выступавшее за дерегулирование и приватизацию, отказываясь повторно голосовать за него. В мае 2005 года новое поколение французской молодежи получает свое политическое образование в кафе, на улицах и собраниях. Изгнание

варваров из города может оказаться не такой уж простой задачей. Как заметил Славой Жижек:

«На самом деле страх, с которым мы имеем дело, – это страх, который вызвало «нет» у новой европейской политической элиты. Это был страх того, что народ больше нельзя будет так легко убедить при помощи их «постполитических» доводов. И потому для всех остальных «нет» – это знак и выражение надежды. Это надежда, что политика по-прежнему жива и возможна... В «нет» был положительный выбор: выбор самого выбора; отвержение шантажа новой элиты, которая дает нам выбор только для того, чтобы подтвердить их экспертное знание или выказать «иррациональную» незрелость».

Поколебленная гегемония

Какие выводы нужно сделать из этого провала «европейской конституции»? Прежде всего, необходимо отбросить иллюзию, что ЕС – или даже его ядро – может стать независимой силой, способной предложить более человечную социал-демократическую альтернативу США. Для этого теперь необходим тектонический сдвиг, сопоставимый с тем, что имел место после окончания «холодной войны». После принятия Закона о единой Европе, написанного в духе Тэтчер, законодательные и исполнительные органы ЕС уничтожили социал-демократическое наследие послевоенных лет в результате введения рынка в государственный сектор, придания гибкости рабочей силе, открытия национальных экономик глобальному финансовому капиталу. В итоге, их «Европа» стала социальным мыльным пузырем.

Кроме того, произошло признание американского глобального лидерства на условиях, диктуемых «Вашингтонским консенсусом». Развитие ЕС после 1989 года в общем и целом соответствовало англо-американским предписаниям. Либерализация и расширение привели к созданию расползающейся и безвольной организации, внимательно прислушивающейся к американскому корпоративному лобби в Брюсселе и пропускающей мимо ушей пожелания собственных граждан. ЕС «многих скоростей», который сложился за последние 15 лет (еврозона двенадцати, девятнадцать в НАТО, особый статус стран, вступивших в 2004 году), отражает провал европейской интеграции. У Вашингтона также имеется богатый выбор для создания коалиций. В настоящее время три ведущие страны ЕС – Британия, Франция и Германия – пытаются заставить Иран отказаться от программы, которая кажется невинной шалостью по сравнению с ядерным арсеналом Израиля, усиленно защищаемого США.

В торговых войнах ЕС способен дать достойный ответ в том, что касается американских реактивных авиалайнеров или китайских футболок. Но, с точки зрения геополитического влияния, в эпоху после окончания «холодной войны» он занимал второстепенное положение в гегемонистской системе Соединенных Штатов. Одна из его миссий заключалась в выполнении множества задач по зачистке и созданию новых режимов на Балканах, Кавказе, в Восточной Европе и Малой Азии; зачастую после американских или своих собственных военных операций. Как правило, такие действия осуществляются в обход представительных структур и предполагают назначение ключевых советников в основные министерства и замену финансируемыми извне неправительственными организациями избранных местных или общегосударственных властей.

В прошлом десятилетии «естественное призвание» ЕС к социальной инженерии – дисциплина рабочей силы, подготовка элиты, открытие рынков американскому и европейскому капиталу – применялось в периферийных областях: речь идет об «империализме соседей», по выражению Роберта Купера. Надежда на возможное членство в ЕС сыграла решающую роль в принятии турецкими рабочими повышения пенсионного возраста и отказе поляков от своих пенсий.

Приведет ли такая поколебленная гегемония ЕС к ослаблению его роли в качестве команды по подготовке руководителей свободного рынка? Один из его высших чиновников выразил обеспокоенность ликованием, которое вызвали результаты европейских референдумов в Белграде, и высказал мысль о том, что у сербов больше не будет оснований для «бездумного выполнения каждого требования Европы». Через неделю после французского и голландского отклонения конституционного соглашения в Багдад прибыла команда ЕС, чтобы принять участие в составлении схожего документа для оккупированного Ирака. Будем надеяться, что жители Ирака отправят их хартию и их военных покровителей в том же направлении, что и их брюссельских предшественников.

Народное непринятие соглашения по ЕС позволяет предположить, что общий политический наркоз, вызванный Брюсселем, теперь может ослабнуть. ЕС как социально-дисциплинарная сила больше не может использовать идеологический капитал делоровской эпохи, давно растраченный за время создания общего рынка, реструктуризации и войн. Теология социального прогресса исчезла; как возможно лучшее будущее, когда нет никакой альтернативы? Средства массовой информации, потребление и апатия призваны были преодолеть этот разрыв. «Именно ЕС дал вам ваши мобильные телефоны и дешевые авиабилеты», – сказал Саркози, выступая в мае перед французской молодежью. Их «нет» напоминает о монетах, которые бросали вслед итальянским политикам во кризиса. Степень возмущения не следует*время тангентопольского преувеличивать. В Британии, Польше, Ирландии и Дании избиратели смиренно согласились с отменой своих референдумов. Тем не менее, разрыв между европейскими избирателями и неолиберальными элитами никогда не был настолько велик; в мае 2005 года Блэр пользовался поддержкой всего 21% британских избирателей. Направленное прежде всего на «экономические и социальные» аспекты правления ЕС, голосование против соглашения вновь обнаружило кризис представительства левых, когда лидеры Партии труда и Социалистической партии открыто выступали против большинства своих избирателей, тем самым создавая пространство для действия маргинальных сил. Поэтому очевидно, что до создания общей программы, предлагающей альтернативу неолиберальному проекту, еще очень долго. Но, осветив ее отсутствие, летняя молния 2005 года также на мгновение показала будущий горизонт, при котором эта альтернатива может существовать.

Перевод с английского Артема Смирнова